

А

Н. Чернышевский

Откупная система

Н. Чернышевский. Письма без адреса

М., "Советская Россия", 1986

Составители член корреспондент АН СССР В. Р. Щербина и кандидат филологических наук И. В. Кондаков.

Автор примечаний И. В. Кондаков.

[OCR Бычков М. Н.](#)

К числу особенностей нашей литературы принадлежит какое-то особенное ее расположение к повальным припадкам накидываться вдруг, без всяких новых видимых причин, всеми силами на какой-нибудь предмет, который вчера был совершенно таков же, как ныне, и совершенно таким же останется завтра, а между тем, ни вчера не занимал, ни завтра не будет занимать ни одной страницы печатной бумаги, а сегодня служит целью бесчисленных патетических рассуждений. Искони веков, от Рюрика до наших дней, богата была наша Русь взяточниками; в 1856 году взятки вовсе не были ни безнравственнее, ни вреднее, чем в 1852, или 1851, или 1850. Скажите же, с какой стати было так свирепо набрасываться на то, о чем можно было до той поры так удобно молчать? Что за странные люди! лет пятьдесят очень хладнокровно носили в груди так называемую, на высоком языке, страшную язву и хоть бы кто-нибудь, когда-нибудь слыхивал от нас об ней,-- и вдруг ни с того, ни с сего начинаем с жаром бить себя по этой груди и кричать: "Ах, посмотрите, добрые люди, у нас тут глубокая язва!"

Сострадательные люди подошли на наш отчаянный крик и стали смотреть: в самом деле, у нас на груди язва довольно вредного качества. Но отчего произошла эта язва, мы никак не решаемся сказать. От случайного ли какого-нибудь ушиба явилась она, или от врожденного худосочия, или от нездорового образа нашей жизни -- этого никто из нас не объявляет добрым людям, в которых старается пробудить показыванием своей язвы сострадание, смешанное с отвращением. Подойдут добрые люди, покачают головами и пойдут прочь: как, в самом деле, лечить болезнь, причины которой упорно скрывает больной! Это упорное молчание о причинах зла составляет вторую нашу особенность.

Что случилось со взятками года два тому назад, то же самое произошло на сих днях с откупам. Какой новый вред стали приносить с половины нынешнего лета откупа, мы не знаем, да и никто, кажется, не может сказать, чтобы ныне позволяли они себе какое-нибудь злоупотребление или налагали бы на страну какую-нибудь тяжесть, которой не налагали бы и два, и три года, и двадцать, и тридцать лет тому назад. На каком же основании вдруг так набросились мы на откупа, с которыми так мирно и молчаливо уживались прежде? За то какой же безграничностью порицаний и вознаграждаем мы себя за упущенное для порицания время! Если послушать нас теперь, можно подумать, будто откупа величайшее бедствие нашей общественной жизни, будто они что-то вроде той "идеи" трансцендентальных философов, которая, сама ни от чего не происходя и не завися, производит все. От откупов все бедствия нашей жизни: и бедность народа, и разврат, овладевший значительной частью народа, и вследствие бедности и разврата наше невежество, наше нравственное бессилие, отсутствие в нас понятий о нашем человеческом достоинстве.

Словом сказать, откупа подверглись тому же самому эпидемическому нападению, как взятки; точно так же мы без всяких новых оснований вдруг начали толковать, что откупа величайшее зло нашей жизни, что с устранением этого зла мы стали бы процветать и благоденствовать; точно так же мы молчим о причинах, производящих это явление, вдруг ставшее несносным для нас.

Действительно, откупа -- вещь очень не прекрасная, вещь, защищать которую не решится ни один благонамеренный человек. Но признаемся, что нам становилось как-то неловко при чтении большей части статей, направленных против откупов. Мы чувствовали нечто вроде того, как если бы человек, двадцать лет мирно встречавшийся в обществе с каким-нибудь отъявленным шулером, вдруг без всяких новых поводов начал на чем свет стоит порочить этого шулера и доказывать, что если бы этого негодного человека изгнать из общества, то общество значительно выиграло бы. Друг мой, ваше негодование справедливо, но зачем же оно так долго молчало? Я имею дерзость предполагать, что вы слишком склонны к прекрасному правилу мудрости: не давать воли языку, если столько лет скрывали ваше чувство. Видя в вас такого совестливого хранителя вышеупомянутого прекрасного правила, я не могу защититься от мысли, что и теперь оно нарушено вами по каким-нибудь причинам, не имеющим ничего общего с прямоотой и независимостью характера. Вы представляетесь мне человеком, который не смел дурного слова сказать об Иване, пока Ивана кто-нибудь защищал, и осыпает чрезвычайно благородными